

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ.

В О Р О В С К А Я

— ВАНЬКА ДА ВАСЬКА —

НАРОДНАЯ СКАЗКА.

Ходилъ воръ Васька по С.-Петербургу. Было ему на роду написано и Богомъ указано воровать. Началъ онъ сызмала и хорошо ему воровство далось, развернулся и пошелъ во всю: гдѣ лавку пошарить, гдѣ магазинъ почистить и капиталами не брезговаль, Ваську Немѣняева всѣ сыщики уважали.

Идетъ онъ разъ по Милліонной, несутъ покойника, а за гробомъ человѣкъ десять съ дубинами и бьютъ въ гробу покойника.

— Что такое и за что бьете?—остановилъ Васька.

— Долженъ онъ много, за то его и провожаютъ,—отвѣтили вору.

— Оставьте,—сказалъ Васька,—не троньте покойника. я вамъ заплачу.

Обратилъ пародъ вниманіе, бросили дубинки, пошли за Васькой. И всѣхъ расчиталъ Васька, какъ слѣдуетъ: вся публика осталась довольна.

Сидитъ Васька вечеромъ у себя на Фонтанкѣ, пьетъ вино бокаль за бокаломъ. Пьетъ попиваетъ и не замѣтилъ, какъ усидѣлъ четверть, и хоть бы что ему—крѣпкій. Хозяйка докладъ дѣлаетъ, что человѣкъ какой-то спрашиваетъ.

Васька велѣлъ пустить гостя. А тотъ, какъ сталъ на порогѣ, такъ и стоитъ зяблый такой, щербатый въ драпомъ сѣромъ кафтанѣ, не садится.

— Нельзя ли,—говорить,—мнѣ ночевать, ночлега нѣту.

— Чей и откуда?—спрашиваетъ Васька.

— Я деревенскій воръ Ванька, воровать въ деревнѣ нечего, пришелъ въ С.-Петербургъ, гдѣ денегъ больше.

— А я городской воръ, Васька Немѣняевъ.

Ну воръ на вора не доказчикъ, признались, выпили и стали другъ съ другомъ тайный совѣтъ держать: куда воровать итти.

— А что тебѣ тутъ знакомо?—спросилъ деревенскій воръ пріятеля.

Васька и давай ему рассказывать, какъ у такого-то купца денегъ много, у этакого еще болѣе, въ одномъ мѣстѣ еще больше, а въ этакомъ—счетъ потеряешь. Перебралъ всѣхъ купцовъ со всѣхъ улицъ и съ Сѣнной, и съ Гостиннаго, и апраксинскихъ, и александровскихъ.

— Не годится купца обижать, — говоритъ Ванька, — а лучше вотъ что, пойдемъ-ка въ царскій банкъ, возьмемъ денегъ, сколько надо.

На слѣдующій день поднялись воры спозаранку, наняли чухонскую телѣгу и поѣхали, пока что поразмяться. Ъхали почтовымъ трактомъ, выбирали, гдѣ пристать лучше. За Озерками выпрягли лошадей, сами сѣли подь елку, развели огонекъ, закусили и сидятъ себѣ, о воровскомъ дѣлѣ разсуждаютъ. И, вдругъ, какъ зарычить надъ ними съ елки попугай-птица. Васька—за лукъ: натягиваетъ тугой лукъ, полагаетъ каленую стрѣлу, пускаетъ въ попугай-птицу. Попугай-птица съ елки не упала, обронила желѣзные ключи.

— Ключи то намъ и нужны, — сказалъ деревенскій воръ Ванька, подхватилъ ключи, — а ты намъ вовсе не нужна, лети, куда знаешь.

Вечеромъ вернулись воры съ находкой на Фонтанку, снарядились на работу и приходятъ въ полночь къ царскому банку: у калитки крѣпкій караулъ дежурить.

— Нельзя ли отворить калитку!—подступилъ къ караулу Ванька.

А стражи человекъ двадцать и на всякаго по ста рублей просятъ. Выдалъ Ванька деньги, отворили калитку, впустили воровъ во дворъ, калитку опять заперли.

Вотъ обошли воры кругъ царскаго банка, кинули шаръ на крышу, расправилась изъ шара резиновая лѣстница,

поднялись по лѣстницѣ, взялъ Ванька мѣль-камень, обкружилъ дыру на крышѣ—и открылся ходъ.

— Ты поддержи лѣстницу, а я спущусь,—сказалъ Ванька пріятелю и полѣзъ въ банкъ.

И тамъ не долго копошился, отперъ желѣзнымъ ключемъ шкапъ, забралъ денегъ, сколько влѣзло, и опять на крышу, мѣль на крышѣ стеръ—срослась по старому крыша, чисто, гладко, безъ задоринки.

Спустились воры на земь, свернули лѣстницу въ шаръ, подошли къ калиткѣ, стража пропустила, и они вышли, какъ ни въ чемъ не бывало, и прямо на Фонтанку дѣлать деньги.

Раздѣлили деньги честно. Васька и говорить:

— Въ С.-Петербургѣ я воръ первый, и всѣ сыщики меня уважають, только этого я не знаю.

— Пойдемъ опять завтра, царь банкъ пополнить,—сказалъ Ванька.

На утро опять снарядились на работу и въ полночь приходятъ къ царскому банку, а стража другая—ту царь смѣнилъ—эта ужъ не сдается.

— Безъ того,—говорять,—мы васъ не пустимъ, по двѣсти рублей надо.

Выдалъ Ванька деньги, отворили калитку, впустили воровъ во дворъ, калитку опять заперли.

Вотъ обошли воры кругъ царскаго банка, кинули шаръ на крышу—расправилась резиновая лѣстница, поднялись по лѣстницѣ, омѣлилъ Ванька кругъ на крышѣ, и открылся ходъ.

— Вчера я ходилъ, сегодня иди ты,—сказалъ Ванька и сталъ спускать пріятеля на бичевкѣ въ банкъ.

А ужъ тамъ догадались и приготовленъ былъ чанъ съ варомъ. Ванька бичевку ослабилъ, Васька туда и попалъ въ этотъ варъ, сидитъ по плечи въ вару, никакъ высвободиться не можетъ. Видитъ Ванька, что дѣло неладно, приштропалъ бичевку, полѣзъ за Васькой: и такъ, и сякъ вер-

тѣль, не можетъ снять пріятеля. Что дѣлать?—взялъ да и снесъ ему голову по плечи, да съ головой на крышу, мѣлъ стерь, бросилъ лѣстницу на землю, спустился, стража отворила калитку, вышелъ на улицу и прямо на Фонтанку къ Васькиной хозяйкѣ.

Схохонулась хозяйка:

— Гдѣ,—говорить,—воръ Васька Немѣняевъ?

— Голова его тутъ,—отвѣтилъ Ванька,—а его самого нѣту, поминай, какъ звали.

Досталъ Ванька у хозяйки банку съ вареньемъ, умялъ варенье, Васькину голову въ середку всунулъ, банку завязалъ, поставилъ ее въ уголокъ подъ образа—для сохранности—и сталъ ждать, что будетъ.

А въ царскомъ банкѣ объ эту пору тревога поднялась: пошелъ царь банкъ провѣрять и видить: въ чану съ варомъ около шкапа тулсво торчитъ. Взяло царя раздумье: „Что это за воръ безъ головы—одно тулсво?“—и велить царь привести къ себѣ стараго вора—сидѣлъ въ то время въ с.-петербургской темницѣ старый воръ Самоваровъ.

Привели Самоварова къ царю, царь и говорить:

— Что старый воръ, старинный, можешь ли ты знать, кто ограбилъ мой банкъ?

— Былъ воръ не простой,—отвѣтилъ старикъ,—былъ воръ деревенскій, городской воръ глухой въ варъ попалъ: его тулсво.

— А какъ бы этого вора деревенскаго найти?

— Деревенскій воръ въ С.-Петербургѣ,—учить старый воръ Самоваровъ,—если онъ укралъ деньги, унесъ онъ и голову, унесъ голову, унесетъ и тулсво, вези ты чанъ на площадь, положи двѣнадцать генераловъ караулить тулсво: ловить деревенскаго вора.

Какъ сказалъ старый воръ, такъ царь и сдѣлалъ: повезли тулсво на площадь, погнали двѣнадцать генераловъ караулъ держать.

И три дня стоитъ чанъ на площади, въ чану—тулсво, кругъ чана генералы ходять, караулять тулсво,—три дня

Ванька околачивается: подступиться нѣтъ возможности. На четвертый день покупаетъ Ванька бочку вина и прямо напрямикомъ на площадь, подѣхалъ къ тулову, да и сковырнн бочку на земь.

Потекло вино, ореть Ванька:

— Пособите поднять, добро пропадетъ!

Жалко добра—генералы давай подымать бочку: всѣмъ міромъ понадѣли и взвалили ее на телѣгу; крѣпко уморились. А Ванька отблагодарить хочетъ: цѣдитъ вино, подчууетъ генераловъ. Сначала то они отпирались, а потомъ согласились, чтобы только подкрѣпиться и мужика не обидѣть. Выпили по одной—зашалѣло въ головѣ, попросили по другой, поднесъ Ванька по другой—зашумѣло въ головѣ, а послѣ третьей ужъ и запѣли, на разные голоса запѣли. Ванька сейчасъ бочку на земь, а чанъ съ туловомъ на телѣгу да и былъ таковъ.

Эка облипъ, обмочалилось тулово—узнать нельзя, труха одна, что съ нимъ дѣлать?—вытащилъ Ванька тулово, омѣлилъ шею, вынулъ изъ банки голову, приставилъ голову къ тулову, голова и срослась по старому, за желѣзные ключи взялся, поднесъ ключи къ Васькинымъ губамъ—Васька ощерился.

— Ну,—говорить,—чуть не захлебнулся, больно сладко.

Обрадовался Ванька и ну рассказывать пріятелю, какъ все дѣло было, какъ началось, какъ кончилось, какъ Васька въ вару завязъ и какъ безъ головы три дня на Суворовской площади народъ пугалъ своимъ туловомъ, и какъ потомъ все срослось по старому.

За бесѣдой выпили—Васька все облизывался—за выпивкой задремали и пошелъ храпъ на всю Фонтанку улицу.

А на площади тѣмъ временемъ поднялась тревога: поѣхалъ царь провѣрять караулы, смотреть—лежатъ генералы влежку кругъ бочки, мертвецки пьяные, нѣтъ ни чана, ни тулова.

Разсердился царь:

— Куда,—говорить,—дѣвалось тулово, на что,—гово-

рить,— вы поставлены, бочку съ виномъ стеречь? Гдѣ тулово? Подать сюда тулово!

Повскакали генералы, а ноги не держать, упали царю въ ноги:

— Не вино насъ винить, винить насъ пьянство. Куда хочешь клади насъ, а тулово съ варомъ потеряно, увезено съ площади неизвѣстно кѣмъ.

Велѣлъ царь казнить генераловъ строго и опять потребовалъ изъ темницы стараго вора.

Привели Самоварова изъ темницы, поставили передъ царемъ.

— Ну, старый,—спрашиваетъ царь,—разсуди наше дѣло, какъ намъ словить вора: пріѣзжалъ воръ на площадь, увезъ тулово.

— А вотъ какъ,—старый воръ предлагаетъ совѣтъ,—обряди твоего именного козла въ парчевую одѣжу да пошли за карауль твоихъ самыхъ вѣрныхъ тѣлохранителей и пуской ведутъ козла на серебряной цѣпочкѣ по С.-Петербургу; если есть воръ въ городѣ, обдеретъ онъ козла, какъ пить дать.

Какъ сказалъ старый воръ, такъ царь и сдѣлалъ: обрядили именного козла въ парчу, повели его тѣлохранители на серебряной цѣпочкѣ по С.-Петербургу.

Вотъ ведутъ козла по Невскому, а воръ Ванька навстрѣчу, кланяется:

— Пожалуйста,—говорить,—ко мнѣ на Фонтанку, жена у меня именинница, охота ей именного козла посмотрѣть въ день ангела.

„Ужъ не воръ ли это деревенскій!“—подумали тѣлохранители и повернули козла на Фонтанку, и съ козломъ прямо къ Ванькѣ.

А онъ и говорить:

— Что вы скотину понапрасно мучаете, поставьте козла въ сарай, у меня сарай теплый.

Упираются, боятся козла изъ рукъ упустить, да раздумались: „Что въ самомъ дѣлѣ скотину мучить!“—и поста-

вили козла въ сарай, сарай на замокъ замкнули, ключъ главному на эполету повѣсили.

Тутъ давай Ванька угощать гостей: и подарки - то имъ подносить, и виномъ-то поить и словами-то улещаетъ—сахарилъ. А какъ размякли, разсолодѣли гости, оставилъ ихъ Ванька на Ваську, а самъ будто въ лавочку за папиросами. И пока зубоскалилъ Васька съ тѣлохранителями, прибѣжалъ Ванька къ сараю, отперъ сарай желѣзнымъ ключемъ, обобралъ козла догола, придушилъ козла да на кухню. И приносить на блюдѣ именную козлятину—вареньемъ обложена:

— Покушайте, любезные гости, козлятинки!

Ѣдятъ гости именную козлятину, вареньемъ закусывають, а сами себѣ думаютъ:

„Это мы на вора напали, онъ самый воръ и есть деревенскій!“

Пришло время прощаться, вышли гости на улицу да на воротахъ Ванькиныхъ и написали: „Мы тутъ были, козлятину ѣли“, да скорѣй во дворецъ. Ванька за ними, по ихъ слѣду, письмо ихъ стеръ да въ десяти мѣстахъ и написалъ: „Мы тутъ были, козлятину ѣли“.

А во дворцѣ тѣмъ временемъ поднялась тревога: явились къ царю тѣлохранители, козла нѣтъ, говорятъ царю:

— Мы поймали вора!— и ну хватать другъ передъ другомъ.

Царь сейчасъ въ коляску, выѣхалъ на Фонтанку, ѣдетъ по Фонтанкѣ, туда посмотреть, сюда посмотреть: и на одномъ домѣ надпись, и на другомъ домѣ надпись, и на третьемъ надпись и на десятомъ и все одно и тоже: „Мы тутъ были, козлятину ѣли“.

Повернулъ царь съ досады коляску обратно.

— Пропалъ мой козелъ, упустили вора,—сказалъ царь,— всѣхъ подѣ судъ, козлятина!

И пока тамъ новый караулъ снаряжали ловить деревенскаго вора, Ванька съ Васькой зря на Фонтанкѣ не торчали, глазъ не мозолили, взяли чухонскую телѣгу, забрали се- ребра и золота, распростились съ С.-Петербургомъ.

Сталъ бѣлый свѣтлый день, какъ пріѣхали воры къ морю, лошадей и телѣгу продали, купили пароходъ, сѣли на пароходъ и покатали въ иностранную землю.

Пріѣзжаютъ къ иностранному королю, а у иностраннаго короля была дочь Настасья и очень хорошая. И влюбился Васька Немѣняевъ въ Настасью царевну, посылаетъ Ваньку сватомъ. Настасья царевнѣ Васька любь, а иностранный король не хочетъ.

— Выстрой,— говоритъ,— мнѣ русскую церковь въ трое сутокъ, тогда бери дочь!

А Ванькѣ что! Онъ къ этому дѣлу привыченъ и взялся въ трое сутокъ русскую церковь построить. День строить— выше оконъ, другой строить— къ потолку, на третій день накрыли всю крышу.

— Принимайте, соборъ готовъ.

Иностранный король видитъ, что точно, соборъ построенъ, отъ словъ не отпёрся, благословилъ дочь. При освященіи церкви и повѣнчали Ваську съ Настасьей царевной, нагрузили двѣнадцать кораблей добра и отправили съ Ванькой въ море. И пали имъ попутные вѣтры—пріятная погода, цѣлы, невредимы вернулись они въ С.-Петербургъ. Цѣлую недѣлю выгружали корабли, недѣлю пиръ пировали.

И сталъ воръ Ванька прощаться съ Васькой и, прощаясь, раскрылъ ему всю свою тайность, что онъ тотъ самый покойникъ, котораго на Милліонной въ гробу дубинками били.

— Пожалѣлъ ты меня, выкупилъ, — сказалъ воръ-мертвецъ,— послужилъ и я тебѣ вѣрой и правдой.

Остался Васька съ Настасьей царевной вдвоемъ безъ пріятеля и стали жить, поживать при всей обличности и удовольствіи. Тутъ и сказки конецъ.

Алексѣй Ремизовъ.

Примѣчаніе. Въ основу положена народная сказка записи М. М. Пришвина изъ сборника Н. Е. Олчукова, С.-Пб. 1908.